

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора архитектуры профессора Большакова А.Г. на диссертационную работу Лапшиной Елены Геннадьевны на тему «Архитектурное пространство как динамическая система», представленную на соискание ученой степени доктора архитектуры по специальности 05.23.20 – теории и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия.

Диссертация состоит из двух томов. Том первый (293 с.) включает: введение, 5 глав, заключение, библиографический список (364 наименования), приложение 1 список публикаций автора по теме диссертации, приложение 2 акты внедрения положений диссертации; том 2 состоит из 30 графических таблиц на 68 страницах.

Актуальность и общая характеристика работы

Архитектурное пространство – центральная категория профессионального мышления и деятельности. Кроме того, архитектурное пространство является существенным условием жизни граждан. Переживание пространства обывателем попадает в сферу профессионального осмысления как экзистенциальное пространство, как феномен и предмет архитектурной феноменологии. Осмысление пространства как предмета проектирования, теоретическое обоснование его как профессиональной картины мира – служит полем усилий архитекторов-теоретиков, как логически организованное знание – ноумен.

Суть архитектурного пространства для традиционного общества, сформированного на семейных, религиозных, этнокультурных ценностях – это одно, и совсем другая суть архитектурного пространства в мегаполисе, как результате развития глобалистической идеологии и практики. Происходит фактически повсеместное столкновение ценностей идентичности и регионального этнического своеобразия с ценностями технической цивилизации, опирающейся на беспредельный научно-технический прогресс.

Как минимум, из сравнения ордерной классической архитектуры и пространства мировых мегаполисов приходит мысль о том, что в мире происходят динамические изменения архитектурного пространства. Теория архитектуры не может игнорировать эти изменения в основаниях своего предмета, связанные с мировыми трансформациями культуры под натиском техногенной цивилизации. Архитектура мировых городов и даже тех российских городов, которые являются региональными центрами, изменилась существенно в течение последних десятилетий. Автор задается вопросом в начале исследования «насколько глубоко городская образ жизни отсекает корни любой традиции?» (с.3). Остается ли какая-то гуманитарная основа у архитектуры новейшего времени? Это все болезненные вопросы, и Лапшина Елена Геннадьевна взялась найти на них ответы. Это, безусловно, актуально. Какие внутренние основания существуют у классической архитектуры, чтобы структурировать пространство тем или иным образом? Что стоит за признанием того факта, что в центре архитектурного пространства стоит фигура человека? Причем он находился там и в традиционной архитектуре, и продолжает находиться сейчас. Автор выдвигает гипотезу, что в основе структурирования пространства лежит тот факт, что человек осваивает пространство в движении, причем движение рассматривается как в биомеханическом аспекте, так и в аспекте восприятия пространства, и в аспекте формирования и изменения пространственных смыслообразов. В техноцивилизации техническая оснащенность всех видов движения (телесного и ментального) существенно выросла. И это изменение характера и количества движения ведет к формированию динамической архитектуры.

Движение рассматривается как суть архитектурного пространства. Можно сказать, что значительная часть работы посвящена кинестетическому способу освоения и формирования архитектурного пространства. И неудивительно, что динамика – движение, пони-

Вхн/657 от ад. 12.2016г.

маемое как изменение вообще – с его воплощением в архитектурном пространстве, становится стержнем диссертационного исследования.

Цель исследования сформулирована как «разработка концепции архитектурного пространства как динамической системы и выявление его гуманитарной основы, которая... транслируется в среду обитания человека» в рамках как традиционной, так и техногенной социальной системы.

Задачи и предмет исследования сформулированы согласно заявленной цели.

В первой главе «Проблема пространства в архитектуре»

автор дает обзор концепций архитектурного пространства в классической архитектуре, авторов 20 века и задает спектр изменений во взглядах на пространство в период от традиционной культуры до технокцивизации. Опорные моменты здесь следующие.

Понятие пространства по Аристотелю складывается из трех частей: природа в покое – это место (топос); природа в движении – это пространство (хора); отсутствие природы – это пустота.

Теоретик архитектуры А.Г.Габричевский рассматривал архитектуру в оппозиции масса-пустота. И это представление о структуре пространства, как о массо-пустотной схеме, до сих пор актуально и продуктивно используется в проектных, теоретических, образовательных моделях архитектуры.

Работа «массы»-материала, необходимая для вычленения из окружающего мира необходимой человеку пустотной ячейки, была в классической архитектуре связана с искусством преодоления силы тяжести. Ордерная система в своем становлении и развитии показала прекрасные образцы архитектоники.

Автор, связывая идею архитектурного пространства с движением – действием, полагает, что все многообразие форм классических архитектурных пространств сводится к двум пространственным единицам: помещение и путь. В помещении происходит циркуляция, вращение, а по пути происходит перемещение. Любое место в пространстве наделено особенными отличительными ресурсами персональной или социальной значимости. Эти ресурсы побуждают человека к ним перемещаться. В этой связи автор высказывает идею, что архитектурное пространство представляет собой поле притяжения людей, в каждой точке заряженное своим ресурсным потенциалом. В этом поле, которое имеет волновую природу, имеются полюса различной силы притяжения, а также различного качества ресурсов, привлекающих к себе человека.

Все традиционные виды композиции – фронтальную, глубинную, объемную автор обоснованно связывает с движением – поступательным (к преграде, как с преодолением преграды – стены, так и без оно), вращательным (вокруг объемной формы). Только движение с преодолением массы оформляется отдельным архитектурным объектом - порталом.

Кроме перемещения и вращения рассматриваются другие два движения – винтовое и спиральное. Эти движения порождают пространственные архетипы лабиринт и башня.

Кристиан Норберг-Шульц показал, что персональное архитектурное пространство окрашено личными и культурными ценностями и освоено личным опытом, жизнь человека и сообщества интерпретирует себя как архитектурное пространство. В его структуре норвежский теоретик архитектуры выделял в пресональном и в социальном пространстве сакральный центр, путь и зону (место). Эти идеи подхватил и развил затем Кевин Линч.

К концу 20 века с нарастанием мощи технокцивизации нарастает турбулентность в силовом поле архитектуры. Ясности ордерной системы, логике модернизма стали противопоставлять идеи хаоса как «сложного порядка». Об этом пишет Ч.Джэнкс. Деконструктивист Питер Айзенман ставит целью архитектуры не просто овладение силой тяжести, но и овладение мыслью, в том числе математической. Иллюстрация – проект Мёбиус –хаус для Берлина.

В новейшее время в архитектуре происходит обращение к хаосу, к идеям Ильи Пригожина о самоорганизации открытых неравновесных систем, и явление нелинейной архитектуры исследует доктор архитектуры Добрицина Ирина Александровна, выдвигая принцип диалогичности, процессуальности, гетерогенности, который положен в основу формообразования неоавангардных работ западных архитекторов.

В связи с установлением принципа неопределенности в архитектурном формообразовании автор диссертации приводит рассуждение о категориях границ архитектурного пространства. В классической архитектуре и в модернизме 20-века границы формировали вполне определенные «емкости» для определенного движения. При этом степень проницаемости границы меняется. Появляется возможность раздвинуть границы, если занять возвышенное место. Эта возможность опять-таки воплощается в архетипе «башня».

Главный вывод первой главы в том, что архитектурное пространство становится полем напряжения, которое динамично «вибрирует», обладает текучестью потенциалов. В этом свете автор констатирует, что на смену незыблемости структуры пространства классической и модернистской архитектуры приходит концепция динамичного пространства. Возникают текучие «лэндформные» архитектурные пространства. При этом в качестве гуманитарной основы любого архитектурного пространства показано телесное и ментальное движение человека.

Во второй главе «Динамика как сущность архитектурного пространства»

автор рассматривает архитектурное пространство как поле действия тела. Показана взаимосвязь движений человеческого тела, в том числе на психологическом уровне, с основными архетипами архитектурного пространства. Архетипы – это базовые пространственные шаблоны, которые остаются неизменными в любую эпоху и в любой культуре. К таким пространственным единицам отнесены уже упомянутые вместилище-дом, путь, башня, храм, лабиринт. Автор усматривает связь определенных видов двигательного акта с архитектурными сооружениями, помогающими очеловечивать, делать антропоморфой искусственную среду обитания.

Но прежде вводится представление о биомеханике движения. Автор опирается на труды физиолога двигательной активности Н.Бернштейна. Бернштейн установил существование пяти уровней управления двигательным актом в мозговой деятельности и, соответственно, пять видов движения. 1-й уровень - движения сохранения позы. 2-й уровень – произвольные движения-штампы, дающие мозгу информацию о теле. 3-й уровень – перемещения – локомоторные движения. К ним относятся ходьба, бег, плавание. Также не локомоторные акробатические и баллистические движения, жесты, перемещения вещей, копирование. 4-й уровень – трудовые движения с использованием инструментов. 5-й уровень – смысловая коррекция действий. Группы сходных движений объединены в синергии: сохранения позы, локомоторная синергия (ходьба, бег и др. циклические движения); синергия импульса – бросок, удар, прыжок.

Автор устанавливает соответствие между структурой двигательного акта и структурой архитектурного пространства. Прямоходящий человек – колонна в ордерной архитектуре. Ходьба – колоннада, аркада. Прыжок – однопролетный мост. Бег – многопролетный мост. Башню Татлина автор сравнивает с циклограммой удара молотком или рубящего движения руки.

Переход от классической архитектоники, как искусства сопротивления тяжести, к современной архитектуре, видится в применении сложных пространственных решеток, оболочек, которые отражают более сложные системы движений. Т.е. это эквивалентно переходу от статичного сопротивления силе тяжести к интерпретации двигательной активности в архитектуре.

Далее в построении своей концепции автор использует психологические архетипы Карла Юнга (как и модели поведения в биологии). Архетипов Юнга всего четыре: старик, мать, тень, перерождение. Старик соответствует пространственному архетипу храм. Мать

- архетипу дом, лабиринт. Тень (темный дух) – архетипу башня (гордыня). Перерождение – архетипу портал, вход.

В новейшей архитектуре обнаруживается архетип экспансия. Для его описания используются такие слова, как взрыв, вспышка, озарение. В качестве примера архитектурного воплощения данного морфотипа рассматривается здание музея Гугенхайма в Бильбао, архитектора Фрэнка Гери. Другой пример – павильон воды на Экспо – 2002 в Швейцарии арх. Рикардо Скофидио, Элизабет Дилер.

Далее автор дает характеристику пространственным архетипам, которые проявляются в архитектуре всех эпох и культур. Архетип лабиринт – собирательный образ города. Энтропия, рассеивание силы в лабиринте, ей противопоставляется сеть центральных мест – городских площадей, где, напротив, сосредотачивается социальная активность. Автор ссылается на работу Вальтера Кристаллера «теория центральных мест», интерпретируя эту теорию как еще одно подтверждение концепции городского пространства, как поля напряжения. Центральное место предоставляет услуги (ресурс) своему ближайшему окружению. При этом на сеть центральных мест низшего ранга накладывается сеть центров более высокого ранга. Радиус обслуживания центров второй сетки больше, чем первой, и так далее, создается многослойная решетка вплоть до возникновения наверху единственного главного центра всей системы.

Автор приводит интересное наблюдение, что при переходе к новейшей архитектуре оппозиция башня-лабиринт как бы меняются местами по смыслу. Лес небоскребов превращается в лабиринт, а широкие проспекты служат основой ориентации и навигации в городе.

В третьей главе «Геометрическое моделирование архитектурного пространства» Автор рассматривает архитектурное пространство как поле видения - геометрические абстрактно-логические модели. Рассматриваются группы геометрических преобразований, которые, по сути, есть модели движения. Такое понимание геометрических преобразований позволяет автору видеть точные математические способы моделирования движения, которое служит базовым принципом формирования архитектурного пространства. Опорной работой по этому аспекту является работа Ф.Клейна. Преобразования, или движения, позволяют дифференцированно отображать разные поля архитектурного пространства. Так, поле напряжения материала отображается в метрической геометрии. Поле видения относительно малых предметов отображается аксонометрией (аффинными преобразованиями). Поле видения большого пространства отображается проективной геометрией. Поле действия отображается топологией.

Среди линий, отображающих виды движения (поступательное, вращательное), особый интерес имеет спираль. Этому виду движений М. Элиаде придает мистическое значение. По его мнению, в человеческом теле присутствуют незримо три канала: два из них спиралевидно обвиваются вокруг третьего, и отождествляются с Луной и Солнцем, вдохом и выдохом. Благодаря им происходит циркуляция жизненной энергии. В «мирском» пространстве эти два потока никогда не пересекаются. Однако в сакральном пространстве удастся их направить в третий канал – Ось мира, в котором разрешаются противоречия. Автор отмечает, что такая геометрия присуща молекуле ДНК, а также она встречается на посохе Гермеса, который обвивает пара змей.

Лапшина Е.Г. приводит положения Дж. Гибсона об особенностях работы глаза по созданию пространственного изображения. Оказывается, первичная картинка, отображаемая глазом – плоская. На ней - пятна в качестве объектов, погруженных в среду (воздушную). Третье измерение – глубина, – появляется не зрительно, но путем движения – аккомодации хрусталика. А также с этой целью мозгом оценивается размер телесных углов, построенных на основаниях пятен разноудаленных объектов, и соизмеряются скорости их движения.

Для отображения поля действия используется топология – графы, показывающие наличие или отсутствие связи между разными точками. Для отображения поля видения используется проективная геометрия. Автор предлагает метод построения динамической перспективы, которая позволяет менять не только точку зрения в нейтральной плоскости аппарата проецирования, но и пользоваться бесконечно удаленной плоскостью. Смысл метода – обеспечить возможность построения перспективных изображений при движении и повороте зрителя относительно изображаемого пространства. Дается объяснение роли заслоняющих краев, ближнего, среднего и дальнего планов для построения перспективы.

Автором отработана методика построения динамического куба. Она используется как упражнение в обучении студентов композиции. Суть методики в том, из трех кубов строится композиция, в которой один куб остается статичным, другой смещается относительно него, и третий поворачивается. Все три куба врезаются друг в друга. Это является противопоставлением статическому кубу, который вырастает от земли, имеет измерение: ширина, высота, глубина, он олицетворяет статичную классическую архитектуру.

Корни динамической геометрии автор видит в творчестве художников-кубистов, разъявших геометрическую форму и давших возможность ее видеть с разных ракурсов одновременно, как бы в движении. Опора на авангардистскую художественную культуру видится автором сущностной для раскрытия темы динамической архитектуры. Так, башня Татлина, спроектированная им в 1919 году, имеет в своем составе наклонную мачту-диагональ, направленную на ось мира в северном полушарии – Полярную звезду, и спирали, обвивающие эту мачту.

В четвертой главе «Динамика пространственных знаков и образов в архитектуре»

Автор рассматривает архитектурное пространство как поле смыслов. Архитектурное пространство выражает жизненные смыслы и ментальные конструкты, символы, которые закладывают создатели в свои произведения.

По К.Норберг –Шульцу, у экзистенциального пространства есть структура: жизненный центр – путь – район, и иерархические уровни: вещь-дом-город-ландшафт-страна. На уровне вещи смысл - сделать ее удобной для руки. На уровне мебели – сделать удобной для позы тела: сидеть, лежать, стоять. На уровне дома появляются небольшие перемещения. Дом – жизненный центр, где любящие люди создают семью и строят дом. Путь – от центра к центру. Одним из центров может быть офис. Но центр, поддерживающий идентичность человечества – сакральный центр. Сакральный путь – паломничество к Дому или ко Храму Гроба Господня. Эти смыслообразы лежат в основе архитектурного формообразования.

Автор анализирует идеографические выражения понятий и жизненных смыслообразов в пространственном знаке, которые были систематизированы П.Флоренским и А.Ларионовым в «словаре символов». Вертикаль означает фигуру человека, меч, копье, колонну. Точка – символ зерна, клетки, звезды, обозначение сыпучих тел. Горизонталь – уровень воды. Круг – символ кольца, венка, Стунхенджа. Далее геометрические символы конструируются как в иероглифике.

В техноцивилизации традиционные смыслообразы трансформируются. Путь и лабиринт взаимно проникают друг в друга. Мегалополис становится лабиринтом небоскребов, ориентиром становится сеть проспектов и площадей. Частые перевоплощения, необходимые горожанину, заставляют его входить-выходить в здания, пересаживаться на метро и городской транспорт в транспортно-пересадочных узлах, пользоваться порталами и вестибюлями, мостами и набережными, парками, где соседствуют противоположные сущности: город и природа. Пути сообщества горожан могут представляться хаотичными при множестве полюсов притяжения. Павильон воды на Экспо 2002 архитекторов Рикардо Скофидио и Элизабет Дилер показывает новый архетип – облако, вспышка, который приобрел свойства пути-лабиринта из-за неопределенности пространства и отсутствия ориен-

тиров, т.е. два архетипа соединились в этом произведении. Архетип вертикаль воплощается в современном городе в телебашнях, радиомаяках, которые опутывают ретрансляционной сетью городское – и шире – мировое пространство. Динамизм техноцивилизации вызвал к жизни наклонную мачту, диагональ, легкие висячие конструкции, подвешенные объемы зданий, как у Владимира Татлина в памятнике 3-го Интернационала.

Архитектура, выражающая технический прогресс, зарождалась в движении художников-футуристов. Русский авангард с Казимиром Малевичем развил идеи итальянских футуристов, отказался от привязанности к вещам и косности жизни. В живописных композициях использовали чистые цвета, простые геометрические фигуры. Композиции – цельные своими внутренними пространственными отношениями, при этом динамичные. Супрематические (превосходство цвета над материей) композиции послужили развитию авангарда в архитектуре. Художественные идеи освобождения от «хлама истории» привели к движению конструктивистов, рационалистов, среди них выделился художественный конструктивизм Владимира Евграфовича Татлина. Динамическую конструкцию башни предложил Константин Мельников в проекте здания «Ленинградской правды». Здание в плане выглядит как пропеллер. Лопасти на вертикальной оси – это корпуса, вращающиеся вокруг нее. В памятнике Христофору Колумбу Мельников развил эту идею, благодаря лопастям здание вращается под действием силы ветра и воды. Эту идею подхватили на западе, в частности, Д.Фишер сделал проект вращающейся башни для Дубая.

Важный аспект динамической архитектуры – возможности трансформации формы и перемещения самого здания. Н.А.Сапрыкина разрабатывает этот аспект динамики – трансформируемые здания при изменении условий, количества жителей или работников и т.д. Имеется в виду, что эти изменения заранее предусмотрены в проекте здания. Лапшина Е.Г. предлагает классификацию изменяемых зданий. Четыре типа динамичности архитектурной формы: не оказывающая влияния на внешнюю форму, оказывающая влияние на внешнюю форму, предполагающая возможность циклических преобразований и допускающая возможность изменения местоположения. Последний вариант мобильных зданий, заметим, имеет корни в глубоком прошлом архитектуры – например, в юртах кочевых народов, они до сих пор существуют в Монголии.

Для характеристики смыслообраза города автор прибегает также к понятию мифа и мифологии. Миф – личная чудесная история, миф позволяет человеку или городскому обществу обрести смысл жизни. Миф имманентно присущ сознанию. У исторического города миф, безусловно, связан с историей и ее осознанием. У нового города параллельно с его возникновением также рождается миф. В теме диссертации оправдано возникает информация о Дубае. Это город транснациональных корпораций. Добыча нефти в его экономике занимает лишь 5%. Основа экономики – реэкспорт. Это город самых высоких в мире небоскребов, самых больших в мире рукотворных островов, это город, где в магазине размещается горнолыжный курорт при внешней температуре +50 градусов. Бизнес привлечен сюда отсутствием большинства основных налогов. Это свободная экономическая зона. В городе практически уничтожена арабская культура. Его население составляют 96 % иностранцев. В гостиницах продают алкоголь. Строители живут на удалении от города. Но технический прогресс здесь налицо. «Вечное возвращение к раз и навсегда заведенному порядку – принцип цикличности - заменен принципом развернутого в бесконечность технического прогресса».

Выдвинуты автором также следующие идеи: Неоордер – центробежно расширяющийся мир – вспышка, экспансия - включает в себя классический ордер как частный случай (как геометрия Лобачевского включает геометрию Евклида). Смена смыслообразов на доиндустриальном - индустриальном и постиндустриальном этапах развития общества происходит в соответствующей последовательности: вращение и вертикаль; спираль; вспышка и озарение. Идея архитектурного пространства как поля возникла уже у Паоло Портогези, в его жилом доме Папаниче в Риме, 1966-1970. В определении границ про-

странства жилого дома он использовал картину распространения и взаимного погашения волн по поверхности воды при фиксированном положении точек волнообразования.

В главе пятой «Динамическая концепция архитектурного пространства» обобщается рассмотрение полей действия, видения и смыслообразов как синкретичных и сращенных.

Концепция архитектурного пространства как динамической системы включает следующие ключевые позиции:

- Системообразующим фактором архитектурного пространства (АП) устанавливается движение человека на материальном и на идеальном уровнях.
- Предлагается новое понимание АП как поля напряжения, динамический потенциал которого реализуется посредством движения. Сохранение позы; перемещение; вращение. Рассматриваются локомоции и синергии как причины соответствующих архетипов пространства.
- Универсальными моделями - архетипами АП выступают: вместилище, путь, башня, лабиринт, храм.
- С приходом технокцивизации трансформируются архетипы и смыслообразы. Смешиваются и инвертируются архетипы лабиринт и башня. Появляются архетипы: динамичная вертикаль, вспышка.
- Компоненты динамики АП: динамических преобразований АП; динамического восприятия АП; пространственно-временной динамики архитектурного формообразования; смысловой трансформации АП.
- На этой основе предлагается теоретическая модель динамического АП, а также методология исследования свойств АП.

2. Научная новизна исследования и полученных результатов

1. Впервые сделано обобщение концепций изменчивости архитектурного пространства, выдвинутых в архитектуре и в смежных областях в период 20 и начала 21 века, и выдвинута целостная концепция архитектурного пространства как динамической системы.
2. Систематизированы представления об архитектурном пространстве как поле, имеющем волновую природу, разработаны понятия о поле действия, поле видения и поле смыслообразов.
3. Движение предложено как системообразующий фактор архитектурного пространства. На биомеханическом уровне синергия сохранения позы, локомоторная синергия перемещения и синергия импульса поставлены в соответствие с архетипами архитектурного пространства: поза стояния и колонна, моторика ходьбы и колоннады, моторика прыжка и мост.
4. Для обозначения архетипа новой динамической архитектуры, реализованной строительством в конце 20-го и начале 21 веков, найден смыслообраз «вспышка», «озарение», «инсайт»
5. Используются психологические архетипы Карла Юнга: старик, мать, тень, перерождение, - для установления связей с архетипами архитектурного пространства: храм, лабиринт, башня, портал.
6. Последовательно проведен сравнительный анализ архетипов традиционного общества и возникшей и стремительно развивающейся техногенной цивилизации. Выявлено смешение и инвертирование архетипов лабиринт и башня, появление архетипов динамической вертикали и вспышки. Архетипы прослежены на множестве примеров из традиционной и техногенной архитектуры новейшего времени.

7. Предложена модель динамического архитектурного пространства и методология исследования архитектурного пространства как динамической системы.

3. Степень обоснованности и достоверности научных результатов и выводов, сформулированных в диссертации

Предложенная концепция и выводы, сформулированные в диссертации, являются обоснованными и достоверными. Для обоснования архитектурных постулатов используются как инодисциплинарные, так и профессиональные положения и факты. Организация движения в пространстве – биомеханика Н.А. Бернштейна; положение об архитектурном пространстве как поле – общенаучная теория поля и ряд теоретико-географических и архитектурных идей В.Кристаллера, П. Портогези, В.Локтева, общее понимание классической архитектуры как искусства сопротивления и творчества в поле тяжести. Используется концепция теоретика архитектуры А.Г.Габричевского об игре сил массы и пустоты. Автор обоснованно добавляет к понятию архитектурного пространства поле действия, поле видения и поле смыслообразов. Архетипы архитектурного пространства – универсальные модели классической и техногенной цивилизации – это обобщения, сделанные на основе анализа множества конкретных архитектурных примеров, отображенных в 30 графических таблицах. Автор развивает концепцию кинестетического обоснования структуры архитектурного пространства, которое также логически следует из архитектурной эргономики, антропометрики, доказательств достоверности которых достаточно.

Другая площадка, на которую опирается Лапшина Е.Г. – идеи и концепции русского и западного авангарда. Русский авангард начала 20 века в живописи и архитектуре (супрематические динамические композиции Малевича, Якова Чернихова, конструктивизм Константина Мельникова, и наконец, Владимира Татлина, творчеству которого автор уделила заслуженное внимание) действительно заложил основы феномену динамической архитектуры, который получил большое развитие в западной цивилизации.

Третий опорный массив данных – многочисленные примеры современной западной глобалистической архитектуры, в том числе таких мастеров, как Фрэнк Герри, Заха Хадид, Д.Фишер, Херцог и де Мёрон, Фрай Отто и других, изменивших представление о традиционной архитектонике архитектурных объектов. Концепция автора об архитектурном пространстве как динамической системе находит достаточное подтверждение в практике архитектуры. Появление такой работы подготовлено также трудами таких отечественных теоретиков, как Сапрыкина Н.А., Добрицина И.А, Шубенков М.В. и других. Смысловую нить, связывающую традиционную архитектуру (барокко), русский авангард и идеи космической архитектуры, причем без агрессивной составляющей, присущей футуристам, предложил в своих экспериментальных проектах Вячеслав Локтев.

4. Значимость для науки и практики результатов диссертации

Результаты исследования Лапшиной Елены Геннадьевны имеют безусловное методологическое, теоретическое и практическое значение для архитектурной профессии. Во-первых, ярко высвечено значение движения человека и социальных групп в архетипе пространства. Кинестетическим ощущениям и моторике человеческих движений до сих пор уделяли недостаточно внимания. Понимание композиции в основном связывали с визуальной информацией о пространстве. Автор доказал, что визуальные ощущения для человека всего лишь предварительная информация, для того, чтобы начать двигаться. И структура двигательного акта действительно отпечатывается в структуре архитектурного пространства. Во-вторых, времена меняются, действительно, мир испытывает натиск глобализации, в том числе - в технологиях и образах объектов капитального строительства, которые отрицают традиционные ценности. Как к этому относиться? В чем состоит гумани-

тарная основа такого подхода к архитектуре. Автор объясняет это и дополняет теоретическую картину мира архитектуры.

Внимательное изучение двигательной активности, перцепции и новой мифологии осознания формы, понимание значения и места архитектуры в современном обществе также необходимы для отечественной практики архитектуры, чтобы быть ей социально и гуманитарно эффективной.

5. Критические замечания и недостатки

При общем положительном впечатлении о научной и профессиональной ценности работы, она все-таки заслуживает отдельных замечаний.

1. Надо сказать, что один из промежуточных выводов относительно того, что историко-архитектурное наследие, его ценность и необходимость охраны в городах, на пути технического прогресса не так очевидны, что защищать историко-культурные ценности стоит лишь для устранения угрозы фундаментальным основам бытия -представляется избыточно смелым (с.229) . Да, динамика, изменение смыслообразов, стандартов архитектуры неизбежно несет с собой техническая цивилизация. Но точно также, как стремление к техническому прогрессу не оправдывает деградацию и уничтожение природной основы окружающей среды и культурных ландшафтов, так и новая динамическая архитектура не должна вымарать из контекста наших городов памятники культуры и архитектуры. Представляется более обоснованной позиция устойчивого и преемственного развития архитектуры, во всяком случае - для исторических городов, которых в России всего-то 41. Для сочетания новой динамической архитектуры с историко-культурным контекстом нужна специальная теоретическая и проектная работа, которой автор не уделил достаточного внимания.

2. Человек не биоробот и не киборг, что, конечно, понимает автор, и, вместе с тем, в одном месте, в рассуждении о доме, как машине для жилья, заимствованном у Ле Корбюзье, допускает, что архитектурное пространство можно делать согласно программе, якобы заложенной в основу жизнедеятельности потребителя архитектуры (с. 223 текста). Идея о запрограммированном человеке, которую предлагается использовать при структурировании пространства, во-первых не нова, во-вторых не столь эффективна в архитектуре. Ведь в целом автор заботится о сохранении гуманитарной основы в новой динамической архитектуре.

Однако высказанные замечания не носят принципиальный характер и выявленные недостатки не снижают в целом высокую оценку научного качества работы Лапшиной Елены Геннадьевны на тему «Архитектурное пространство как динамическая система», представленной на соискание ученой степени доктора архитектуры.

6. Выводы и рекомендации

В целом, диссертация является законченной научно-исследовательской работой, в которой на основе выполненных автором обобщений, теоретических исследований решена научная проблема, посвященная теоретическому осмыслению архитектурного пространства как динамической системы. Выдвинутая концепция динамической архитектуры представляет собой новое научное направление в архитектурной науке, а именно - в архитектурной феноменологии.

Автором по теме диссертации опубликовано 68 печатных работ, в которых отражены основные положения диссертационной работы. В том числе 52 статьи. Из них 16 опубликованы в рецензируемых научно-технических журналах по перечню ВАК РФ, в которых рекомендуется публикация результатов диссертаций. Опубликовано также 9 научных монографий объемом 114 п.л..

Диссертация выполнена на современном научном уровне и представляет собой завершенную самостоятельную научно-квалификационную работу. Представленные материалы изложены в логической последовательности.

Автореферат отражает содержание диссертационной работы и оформлен в соответствии с требованиями ВАК РФ. Стиль изложения способствует пониманию диссертации и позволяет объективно оценить личный вклад автора и полученные результаты исследования.

Разработанная Е.Г.Лапшиной концепция и теоретическая модель архитектурного пространства как динамической системы вносит значительный вклад в развитие теории и истории архитектуры

Заключение

Представленные диссертация и автореферат дают основание считать, что диссертационная работа «Архитектурное пространство как динамическая система» по содержанию, форме, актуальности, полноте поставленных и решенных задач, совокупности новых научных результатов, в достаточной степени аргументированных, соответствует критериям, изложенным в п.9. «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Лапшина Елена Геннадьевна заслуживает присуждения ей ученой степени доктора архитектуры по специальности 05.23.20 – теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-культурного наследия.

Официальный оппонент

Заведующий кафедрой архитектурного проектирования Иркутского национального исследовательского технического университета,
доктор архитектуры, профессор

А.Г.Большаков
21.11.2016

Подпись Большакова А.Г. заверяю:

З
Общий

Россия, 664074, г.Иркутск, ул. Лермонтова,83, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Приемная ректора телефон: +7(3952)-405-000

Факс: +7(3952)-405-100

e-mail: info@istu.edu